

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.214.9.116-126

О. В. Зайцев

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

Цифровое право в системе российского права

Резюме. Происходящая под влиянием повсеместного внедрения цифровых технологий трансформация общественных отношений потребовала формирования новой нормативно-правовой базы, которая имеет тенденцию к постоянному расширению. В связи с этим в науке обсуждается выделение цифрового права в качестве самостоятельной отрасли, хотя иногда подвергается сомнению сама возможность использования сочетания «цифровое право». В качестве альтернативы этому сочетанию предлагаются категории «интернет-право», «киберправо» и т.п. На основе анализа существующих в науке точек зрения, а также оценки специфики отношений, возникающих при реализации цифровых прав и использовании цифровых технологий, автор приходит к выводу о возможности и целесообразности отраслевого обособления цифрового права ввиду специфики составляющих его предмет отношений, характеризующихся особым субъектным составом, сферой их практической реализации, принципами построения этих отношений, что, в свою очередь, предопределяет особенности метода их регулирования, характеризующегося сочетанием императивного и диспозитивного подходов, законодательной регламентации при сохранении значительной роли саморегулирования. Вместе с тем необходимо признать, что выстраиванию системы цифрового права в некоторой мере препятствует процесс перманентной трансформации отношений в этой сфере.

Ключевые слова: цифровое право; цифровые технологии; отрасль права; предмет регулирования; метод регулирования

Для цитирования: Зайцев О. В. Цифровое право в системе российского права. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 9. С. 116–126. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.214.9.116-126

Digital Law in the Russian Legal System

Oleg V. Zaytsev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Moscow, Russian Federation

Abstract. The transformation of public relations, taking place under the influence of the widespread introduction of digital technologies, required the formation of a new legal framework, which tends to constantly expand. In this regard, the possibility of distinguishing digital law as an independent branch is widely discussed in science, although the very possibility of using the combination of «digital law» is sometimes questioned. As an alternative to this combination, the categories of «Internet law», cyber law, etc. are periodically used. Based on an analysis of existing scientific points of view, as well as an assessment of the specifics of relations arising from the implementation of digital rights and the use of digital technologies, the author concludes that there is the possibility and expediency to divide digital law into sections. This is due to the specifics of the relations that make up its subject, characterized by the special subject construction, the scope of their practical implementation, the principles of building these relations. This in turn determines the peculiarities of the method of their regulation, characterized by a combination of imperative and dispositive approaches, legislative regulation while maintaining a significant role of self-regulation. At the same time, it must be recognized that building a coherent system of digital law is to some extent hindered by the process of permanent transformation of relations arising in this area.

Keywords: digital law; digital technologies; branch of law; subject of regulation; method of regulation

Cite as: Zaytsev OV. Digital Law in the Russian Legal System. *Lex russica*. 2024;77(9):116-126. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.214.9.116-126

© Зайцев О. В., 2024

Введение

Цифровизация практически всех сфер общественной жизни обусловила трансформацию соответствующих отношений, придав новую форму уже существующим и породив новые, что, в свою очередь, потребовало формирования новой нормативно-правовой базы, которая имеет тенденцию к постоянному расширению. Ситуация усугубляется постоянной трансформацией отношений в цифровой среде, появлением новых форм взаимодействия субъектов, приобретающих принципиально иные возможности как для получения, так и для предложения товаров, работ и услуг. Современные бизнес-проекты, опираясь на технологии цифровых платформ, заметно влияют на отношения за пределами цифрового мира. Фактически речь идет о качественно новом развитии экономики, радикально меняющей традиционные подходы к выстраиванию общественных отношений в контексте взаимодействия участников гражданского оборота и выстраивания контактов с органами власти. И эта новая реальность, порождающая дополнительные риски для участников общественных отношений, очевидно, нуждается в системном и последовательном правовом регулировании, в силу чего вопрос о формировании цифрового права, определении его правовой природы и места в системе права становится исключительно актуальным.

Основная часть

Следует признать, что отраслевая принадлежность правовых норм, регулирующих общественные отношения, связанные с применением цифровых технологий, а также возможность формирования самостоятельной отрасли права является предметом горячих научных дискуссий. Высказываемые в связи с этим точки зрения варьируются от категорического неприятия

подобной идеи на фоне резко возросшего количества попыток обосновать наличие в системе права той или иной самостоятельной отрасли¹ до стремления детально обосновать необходимость выделения новой отрасли права, суждения относительно которой, впрочем, также отличаются разнообразием.

Так, А. А. Карцхия, выделяя цифровое право в качестве самостоятельной отрасли, мотивирует это тем, что широко используемые цифровые технологии обусловили формирование отдельной отрасли права, которая «автономно регулирует общественные отношения в сфере цифровизации вне зависимости от иных отраслей, используя свои способы регулирования процессов жизненного цикла в экономике, политике, праве, в предпринимательских правоотношениях»². В этом усматривается весьма прагматичный западный подход, базирующийся на представлении о необходимости специального регулирования системы общественных отношений в определенной сфере «в силу того, что они встречаются в практике с констатируемой частотой»³.

Впрочем, скептическое отношение к подобным принципам выстраивания правовой системы отмечается и в зарубежной юриспруденции. Показательна публикация судьи Апелляционного суда седьмого округа США Ф. Истербрука «Киберпространство и право лошадей», появившаяся на заре развития Интернета, в которой он выступал против идеи определения кибернаправления как уникального раздела правовых исследований и судебных разбирательств⁴. Однако теория Истербрука была подвергнута критике профессором Гарвардской школы права Л. Лессигом, последовательно отстаивавшим идею о том, что правовые представления и правила будут неизбежно эволюционировать по мере развития и расширения киберпространства⁵. Основной акцент был сделан на специфике киберпространства, в котором существуют особые механизмы

¹ См.: Головина А. А. Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 3.

² Карцхия А. А. Цифровые права и правоприменение // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2 (31). С. 45.

³ Талапина Э. В. Сравнительное цифровое право: становление и перспективы // Журнал российского права. 2021. № 9. С. 21.

⁴ См.: Easterbrook F. H. Cyberspace and the Law of the Horse // The University of Chicago Legal Forum. 1996. [207]. P. 207–216.

⁵ См. также: Национальная юрисдикция : Курс на конкурентоспособность правовой системы России : доклад / под общ. ред. И. Н. Барцица, А. С. Ерёменко. М. : Дело, 2019.

взаимодействия, затруднена идентификация участников отношений, а для защиты конфиденциальности требуются совершенно иные инструменты, и пр.⁶

Споры относительно отраслевого обособления норм, регулирующих общественные отношения, возникающие или трансформирующиеся в условиях цифровизации, по сути, являются следствием дискуссии о системе права и критериях ее построения. В 1938–1940 гг. в вопросе разграничения отраслей права акцент был сделан на предмете правового регулирования. В 1956–1958 гг. была отмечена необходимость выделения двух взаимосвязанных элементов — предмета и метода правового регулирования. Третья дискуссия ознаменовалась значительным расширением критериев для выделения самостоятельных отраслей, куда стали относиться задачи (функции) правового регулирования (В. Н. Кудрявцев), специфика ответственности (В. Г. Беляев), правовой режим (С. С. Алексеев, В. Ф. Яковлев), статус субъектов (В. М. Сырых), принципы и цели правового регулирования и др.⁷ Наряду с этим, были высказаны интересные мысли об определенной доле условности в понимании и предмета, и метода правового регулирования как основы для систематизации права (М. И. Пискотин) и даже об отсутствии достаточных оснований для спора об отраслевом делении права, которое следует рассматривать в качестве единого, не разделенного на части массива правовых норм (Р. З. Лившиц, В. Б. Исаков, У. А. Ямпольская)⁸. Интерес к этой проблеме возродился в 2001–2002 гг., но окончательное ее решение до сих пор не найдено, отчасти ввиду динамичной трансформации привычной нам системы отношений. В этой связи нельзя не вспомнить Н. К. Ренненкампа, который отмечал: «Не должно думать, что система права может быть вполне законченной и постоянною: каждое время и государства понимают по-своему значение, границы и соотношение частей права»⁹.

Считается, что предпосылкой для выделения новой отрасли изначально является формирование качественно иной сферы общественных отношений, которые потенциально будут составлять предмет правового регулирования. При этом важно отграничивать подобные процессы от обычной трансформации уже существующих отношений, связанной, в частности, с использованием их новых форм. Очевидно, что, когда законодатель закреплял возможность совершения сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести ее содержание на материальном носителе в неизменном виде (ст. 160 ГК РФ), не предполагалось, что это даст основание для обособления возникающих отношений от норм гражданского права. Не возникло подобных идей и при отнесении бездокументарных ценных бумаг и безналичных денежных средств к категории имущественных прав (ст. 128 ГК РФ).

Новый импульс дискуссиям дала статья 141.1 ГК РФ, закрепившая положения о цифровых правах и сформулировавшая отсылку к федеральным законам, призванным детально регламентировать их оборот. По мнению Е. А. Суханова, «цифровые права в действительности являются не новым видом имущественных прав, а только цифровой формой обязательственных и иных прав, причем не всех, а лишь прямо названных в таком качестве законом», а следовательно, «закрепление некоторых имущественных прав в цифровой форме не меняет их юридическую (гражданско-правовую) природу: цифровыми становятся не сами субъективные права, а только формы их закрепления (существования) и обусловленные этим обстоятельством способы осуществления названных прав, в том числе способы распоряжения ими»¹⁰. Эту позицию поддерживают и другие ученые, считающие цифровое право не отдельным подразделением в системе права, а цифровой формой частных и публичных цифровых отношений, которая требует новых

⁶ См.: Lessig L. The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach // Harvard Law Review. 1999. No. 113(2). P. 501–549.

⁷ См.: Система советского права и перспективы ее развития // Советское государство и право. 1982. № 7. С. 103–105.

⁸ См.: Система советского права и перспективы ее развития // Советское государство и право. 1982. № 8. С. 69.

⁹ Ренненкампф Н. К. Юридическая энциклопедия. Киев, 1913. С. 214.

¹⁰ Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 7–29.

подходов к их регулированию, но не подмены содержания цифровых отношений их формой¹¹. В частности, отмечается что «соответствующие группы отношений (интеллектуальная собственность в киберпространстве, электронная коммерция, персональные данные, информационная безопасность и т.п.) уже входят в предметную группу существующих отраслей права, не составляя в силу своего многообразия и гетерогенности некоего нового отраслевого образования в виде интернет-права, киберправа, цифрового права и т.п.»¹².

Но означает ли это невозможность выявления специфики правоотношений, связанных с приобретением, реализацией и защитой прав, и формирования на этой основе новой отрасли права? Достаточно посмотреть в этом смысле на соотношение гражданского и финансового права. В обоих случаях предметом правового регулирования выступают имущественные отношения, однако субъектный состав правоотношений, методы их регулирования дают основания для их отраслевого размежевания даже в межотраслевых институтах, таких как государственные займы, где вопросы эмиссии государственных облигаций составляют предмет финансового права, а отношения между государством в лице уполномоченных органов и заемщиком по договору государственного займа — предмет гражданского права.

Здесь нельзя не учитывать, что цифровые технологии являются не только способом придания новой формы уже известным общественным отношениям, но и инструментом качественного изменения поведения субъектов. Кроме того, современная цифровая практика обуславливает некоторое размывание границ

между абсолютными и относительными правами, в том числе в контексте реализации мер правовой защиты. Как отмечает Л. Г. Ефимова, бездокументарные ценные бумаги, безналичные деньги и цифровые деньги, являясь обязательственными правами (требованиями) по договору о выдаче и об использовании, о совершении платежей, одновременно выступают объектом абсолютных правоотношений их владельца со всеми третьими лицами¹³.

Наконец, нельзя не признать, что некоторые правоотношения существуют только в условиях особой цифровой среды, которая заметно видоизменяет характер взаимодействия их участников, иногда фактически создавая новую реальность, для которой характерны «бесконечное существование; синхронизация с реальностью; отсутствие ограничений по количеству одновременно подключившихся пользователей; собственная полноценно функционирующая экономика; интеграция цифрового и реального мира, публичные и частные платформы, частные и общедоступные сети; беспрецедентная совместимость данных, контента, активов, предметов, которые можно передавать между виртуальными мирами (трансплатформенность); наполненность контентом и опытом широкого круга пользователей в виде индивидуальных или коллективных участников»¹⁴. Очевидно, что это обстоятельство не может долго игнорироваться ни законодателем, ни правоприменителем. Причем подобная трансформация правоотношений отмечается достаточно давно и изначально связывалась с развитием Интернета, что обусловило появление категорий «интернет-право»¹⁵, «киберправо» и «сетевое право»¹⁶. Позднее стали говорить

¹¹ См.: Банакас С., Петров Д. А., Попондопуло В. Ф., Силина Е. В. Цифровые отношения как предмет правового исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. № 14 (2). С. 492–509; Фомина О. Н. От вещных прав к правам на нематериальные и цифровые объекты // Гражданское право. 2023. № 2. С. 42–45.

¹² Терентьева Л. В. Концепция устойчивого развития в киберпространстве: вопросы управления и суверенитета // Право и цифровая экономика. 2023. № 4. С. 21–32.

¹³ См.: Ефимова Л. Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // Цивилист. 2022. № 4. С. 6–15.

¹⁴ Нигматзянова Д. А. NFT как основа экономики метавселенных // Право и бизнес. 2022. № 4. С. 26–31.

¹⁵ См.: Даниленков А. В. Интернет-право. М. : Юстицинформ, 2014.

¹⁶ См.: Голоскоков Л. В. О сущности сетевого права // Сетевое право и финансы : сборник науч. трудов / Академия бюджета и казначейства ; отв. ред. А. П. Альбов. М., 2011. С. 8.

¹⁷ См.: Lobel O. The Law of the Platform // Minnesota Law Review. 2016. 137. P. 87–153; Алтухов А. В., Ершова И. В., Кашкин С. Ю. Платформенное право как драйвер развития инноваций // Предпринимательское право. 2020. № 4. С. 17–24.

о платформенном праве¹⁷ и праве цифровых технологий¹⁸. Фактически все они используются как синоним цифрового права и базируются на смешении традиционных и «новых правовых институтов и положений, появившихся и развившихся именно в связи с Интернетом»¹⁹, что объективно поднимает вопрос о месте соответствующих правовых норм в системе права.

Существование интернет-среды как основы для выстраивания подобных отношений закономерно обусловило смещение акцентов в части их правового регулирования в сторону информационного права и формирования представлений о его трансформации. Ряд ученых считают, что цифровое право должно выступать в качестве подотрасли информационного права²⁰, в том числе вследствие того, что «цифровые права, регулируемые в Гражданском кодексе РФ, можно считать частным случаем информационно-коммуникативных прав»²¹. Впрочем, есть и более глубокое обоснование такого подхода, базирующееся на представлении о генезисе норм цифрового права, начинающегося «в разнородной, смешанной группе цифровых отношений, которые тем не менее в реальной жизни выглядят как определенное однородное поведение субъектов деятельности по поводу оборота информации в цифровом виде и использования цифровых технологий, когда частные и публичные отношения переплетаются и зачастую сливаются в единое целое»²².

Между тем разделение оборота цифровых данных и применения информационных технологий проводится уже на конституционном уровне. Причем и те и другие рассматриваются в контексте обеспечения безопасности личности, общества и государства (п. «м» ч. 1 ст. 71

Конституции РФ). К тому же подобный подход не обеспечит целостности и системности правового регулирования оборота цифровых прав. Еще более сомнительной представляется идея рассмотрения цифрового права как комплексного института российского права²³, поскольку многообразие возникающих при этом отношений со всей очевидностью не уложится в эти весьма тесные рамки.

Ряд ученых отстаивают необходимость выделения не цифрового, а платформенного права как совокупности «правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере взаимодействия с платформенными решениями в разных сферах общественной жизни»²⁴. Эта идея достаточно давно дискутируется в зарубежной юриспруденции, поскольку цифровые платформы произвели парадигмальный сдвиг в производстве, потреблении, разнообразных видах активности, включая работу, учебу и отдых. Новая волна стартапов, опирающихся на эту технологию, объединяет людей и трансформирует их поведение и взаимоотношения за пределами цифрового мира. Обеспечиваемые цифровыми платформами новые бизнес-модели ежегодно приносят колоссальный доход и демонстрируют ошеломляющие темпы роста. Экономика платформ радикально меняет традиционное равновесие спроса и предложения, стирая границы между владельцами и пользователями, производителями и потребителями, преодолевая пространственные границы личного и профессионального, бизнеса и дома, рынка и досуга²⁵. В ряде случаев киберпространства, создаваемые отдельными субъектами, имеют собственные правила, обладающие достаточной степенью формализации для того, чтобы не порождать

¹⁸ См.: Зыкова О. А. Природа цифрового права и его соотношение со смежными правовыми категориями // *Гражданское право*. 2023. № 1. С. 12–21.

¹⁹ Рожкова М. А. Является ли цифровое право отраслью права и ожидать ли появления цифрового кодекса? // *Хозяйственное право*. 2020. № 4. С. 3–12.

²⁰ См.: Городов О. А. Цифровое право как подотрасль информационного права // *Право и цифровая экономика*. 2021. № 1. С. 36–43; Танимов О. В., Шевченко А. Р. Цифровое право: основные сущностные аспекты // *Российская юстиция*. 2019. № 10. С. 6–9.

²¹ Нестеров А. В. Цифровое право против информационного кодекса // *Юрист*. 2021. № 11. С. 8–12.

²² Вайпан В. А. Цифровое право: истоки, понятие и место в правовой системе // *Право и экономика*. 2024. № 1. С. 15.

²³ См.: Минбалева А. В. Цифровое право как комплексный институт российского права // *Проблемы права*. 2019. № 4 (73). С. 58–64.

²⁴ Алтухов А. В., Ершова И. В., Кашкин С. Ю. Платформенное право как драйвер развития инноваций // *Предпринимательское право*. 2020. № 4. С. 17–24.

²⁵ См.: Lobel O. Op. cit. P. 88.

потребности в обращении к законодательным актам, которые нередко специфику этих отношений не учитывают. Это бросает вызов общепринятой теории регулирования, что вызывает обеспокоенность законодателей во всем мире, вынужденных так или иначе реагировать на происходящие процессы, и, как следствие, обуславливает появление некой совокупности нормативных правовых актов, определяющих правила поведения участников соответствующих отношений, пределы реализации ими своих прав и особенности ответственности.

Подобный подход интересен с точки зрения обособления отдельной сферы применения цифровых технологий, он позволяет развеять опасения относительно излишней широты предмета правового регулирования, способной, по мнению некоторых авторов, вызвать отторжение²⁶. Впрочем, они разделяются не всеми, учитывая формулируемое определение цифрового права как отрасли права, объединяющей правовые нормы, регулирующие отношения, возникающие в связи с приобретением, осуществлением и отчуждением цифровых прав, а также с применением цифровых технологий физическими и юридическими лицами²⁷. Правда, иногда оговаривается, что эта отрасль находится в процессе становления. При этом ряд ученых связывают формирование соответствующей отрасли с трансформацией самого права, которая станет возможна в случае официального признания за цифровым кодом свойств источника права, а также использования новых форм правореализации, основанных преимущественно на функционировании различных информационных систем²⁸.

Основанием для такого вывода, вероятно, служит несовершенство сформированной законодателем нормативной правовой базы, что

в значительной мере объясняется отсутствием единообразных доктринальных подходов к пониманию правовой природы общественных отношений в этой сфере, формированию терминологии, обоснованию принципов и методов правового регулирования.

Одним из ключевых вопросов для отраслевого обособления совокупности правовых норм является предмет правового регулирования. Здесь нельзя не отметить многообразие подходов к его определению. Считается, что его составляют отношения, связанные с внедрением и использованием цифровых данных и применением цифровых технологий²⁹. Иногда в качестве их особенности называется виртуальный характер³⁰. В некоторых работах обращается внимание на то, что к цифровым можно отнести только те правоотношения, для которых цифровая среда выступает фактором, определяющим их возникновение и развитие³¹. Таким образом, их специфика всегда раскрывается через техническую и технологическую составляющую³². Проблема, однако, в том, что цифровая трансформация затрагивает одновременно все сферы общественной жизни, обуславливая необходимость разграничения частных и публичных цифровых отношений.

Из этого очевидного факта в доктрине выводятся два принципиально разных положения. Одно из них, базируясь на представлении о том, что новая форма не меняет содержания, заключается в том, что цифровые отношения могут иметь различную отраслевую принадлежность, а следовательно, оснований для выделения цифрового права как отрасли нет³³. В то же время неоднородность правоотношений дает основание говорить о комплексном характере цифрового права. И если одни ученые видят в подобном подходе решение проблемы отрас-

²⁶ См.: Талапина Э. В. Указ. соч. С. 25.

²⁷ См.: Белых В. С., Болобонова М. О. Понятие, значение и тенденции развития цифрового права // Юрист. 2020. № 1. С. 5–14.

²⁸ См.: Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М. : Норма, 2023. С. 26.

²⁹ См.: Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2020. С. 36 ; Рожкова М. А. Указ. соч. С. 7.

³⁰ См.: Васильев А. А., Ибрагимов Ж. И., Насыров Р. В., Васев И. Н. Термин «цифровое право» в доктрине и правовых текстах // Юрислингвистика. 2019. № 11. С. 17.

³¹ См.: Пащенко И. Ю. Цифровые правоотношения как новое явление для системы правового регулирования // Труды по интеллектуальной собственности. 2022. Т. 43. С. 23.

³² См.: Щербаков М. Г. К вопросу о коэволюции права и технологий (алгоритмов): постановка проблемы // Право и цифровая экономика. 2023. № 3. С. 33–37.

³³ См.: Банакас С., Петров Д. А., Попондопуло В. Ф., Силина Е. В. Указ. соч. С. 496–497.

левого деления, то другие опасаются стирания границ между публичным и частным правом³⁴.

Проблема заключается в неоднозначной оценке самой идеи существования комплексных отраслей, высказанной В. К. Райхером и поддержанной рядом ученых³⁵. До сих пор диапазон мнений варьируется от оценки данной категории как плодотворной до ее отрицания как неоправданного подхода, недоразумения, способствующего «размыванию» системы права, а также ведущего к путанице понятий, усложнению и без того сложных проблем³⁶.

Между тем столь критический взгляд не вполне оправдан: границы между частным и публичным становятся всё более подвижными и гражданско-правовые инструменты всё чаще используются в публично-правовой сфере, государственное регулирование может достаточно глубоко проникать в частноправовые отношения, особенно когда речь идет о необходимости защиты государственных и общественных интересов, а также интересов слабой стороны. Рассматривая общественные отношения, возникающие в связи с приобретением, осуществлением и отчуждением цифровых прав, а также с применением цифровых технологий, нельзя не обратить внимание на то, что их существование возможно только в специально созданной среде, функционирование которой, в свою очередь, является следствием реализации организационно-предпосылочных отношений. Так, взаимодействие между инвестором и лицом, привлекающим инвестиции с использованием инвестиционных платформ, возможно только как результат построения организационных отношений на основе совокупности предусмотренных законом договоров (договор об оказании услуг по привлечению инвестиций и договор об оказании услуг по содействию в

инвестировании, заключаемых оператором инвестиционной платформы с лицом, привлекающим инвестиции, и инвестором) и в строгом соответствии с требованиями, установленными законом — к операторам инвестиционных платформ, сделкам и пр., и с правилами инвестиционной платформы, согласованными с Центральным банком РФ³⁷. С учетом этого, как представляется, возникающие отношения нельзя отождествлять с отношениями сторон по договору займа, предусмотренному в ГК РФ, ограничиваясь указанием на иную форму их существования.

Различная правовая природа рассматриваемых отношений, обеспечивающая формирование представлений о цифровом праве как комплексной отрасли, обуславливает применение методов, свойственных не только частным, но и публичным отраслям права. Этого требуют защита персональных данных, обеспечение здоровой конкуренции на цифровых платформах и т.п. Выделение собственного метода регулирования вызывает некоторые трудности. По крайней мере, высказывается мнение о том, что нормы, регулирующие отношения, связанные с внедрением и использованием цифровых технологий, не объединены единым методом регулирования, а следовательно, относятся к различным отраслям права³⁸.

Впрочем, попытки выделения собственного метода цифрового права всё же предпринимаются. В частности, А. В. Минбалева говорит о технико-юридическом методе, основанном на методах информатики, поскольку в любой модели регулирования цифровых технологий определяющее значение имеет техническое регулирование, которое и является основой для правового регулирования их использования, а также саморегулирования и сорегулирования³⁹.

³⁴ См.: Талапина Э. В. Указ. соч. С. 28.

³⁵ См.: Райхер В. К. Общественно-исторические типы страхования. М. ; Л., 1947. С. 190 ; Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 361–362 ; Толстой Ю. К. О теоретических основах кодификации гражданского законодательства // Правоведение. 1957. № 1. С. 42–45 ; Алексеев С. С. Проблемы теории права : курс лекций. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 146.

³⁶ См.: Красавчиков О. А. Система права и система законодательства: гражданско-правовой аспект // Правоведение. 1975. № 2. С. 65 ; Тонков Е. Е., Синенко В. С. Комплексные отрасли права: плодотворная идея или отказ от формальной определенности в правовой науке? // Вестник ВГУ. Серия «Право». 2016. № 2. С. 74.

³⁷ См.: Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.

³⁸ См.: Рожкова М. А. Указ. соч. С. 7.

³⁹ Минбалева А. В. Трансформация регулирования цифровых отношений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 12. С. 34. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.64.12.031-036.

Содержательные характеристики любой отрасли, позволяющие говорить о ее специфике, отчетливо демонстрируют принципы правового регулирования отношений, составляющих ее предмет. Наиболее полно и системно они были изложены А. В. Даниленковым, который предложил выделять:

1) принципы организации и функционирования сети Интернет, включающие принцип сетевой нейтральности и принцип открытой архитектуры;

2) принципы управления сетью Интернет, включая, но не исключительно: принцип многостороннего партнерства; принципы государственного суверенитета и ответственности государства за обеспечение реализации права на доступ к сети Интернет и контроль складывающихся в ней отношений в контексте поддержания публичного порядка; принцип subsidiarity национально-правового регулирования по отношению к международно-правовому; принцип децентрализованного управления сетью Интернет; принцип законодательного минимализма в сфере интернет-регулирования и др.;

3) гуманитарные принципы, охватывающие принцип свободной реализации прав и законных интересов в Интернете, принцип приватности, принцип культурного и языкового разнообразия;

4) принципы рассмотрения и разрешения судебных и административных споров в сети Интернет⁴⁰.

Это, впрочем, не исключает обращения к иным принципам правового регулирования с учетом содержательной характеристики соответствующих отношений.

Можно выделить и другие критерии, позволяющие говорить об относительной самостоятельности цифрового права, притом что использование подобного словосочетания до сих пор критикуется. Речь идет не только об использовании специфического понятийного аппарата, определении правового статуса субъектов правоотношений, без участия которых реализация цифровых прав становится объективно невозможной, но и о формировании системы нормативного регулирования отношений, в которой особое место продолжают занимать акты

саморегулирования, технические и даже этические нормы, обеспечивающие формирование собственного арсенала средств взаимодействия участников правоотношений. Специфика рассматриваемых отношений иногда приводит к весьма категоричному и, на наш взгляд, спорному выводу о том, что цифровое право как соединение неправовых регуляторов «может состояться только на основе отказа от предыдущей регуляторной практики», поскольку его «система определяется не предметом, не методом и даже не типом правового регулирования», а «цифровыми транзакциями и выступает в этом смысле как социологическая реальность, чистое живое право»⁴¹.

Заслуживает внимания и система цифрового права как отрасли. Ориентиром здесь могут служить как общетеоретические подходы к решению данного вопроса, предполагающие выделение в ее структуре общей и особенной части, так и сущностные характеристики правоотношений, составляющих его предмет. Общую часть цифрового права, на наш взгляд, образуют нормы, закрепляющие его принципы, правовой статус участников цифровых отношений, объекты цифрового права, а также правовые средства государственного воздействия на них. Его особенная часть может быть выстроена с учетом перечня сквозных цифровых технологий, в свое время утвержденных Правительством РФ в рамках принятой в 2017 г. программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и включающих большие данные, системы распределенного реестра, технологии беспроводной связи, технологии виртуальной и дополненной реальности, квантовые технологии, компоненты робототехники и сенсорику, нейротехнологии и искусственный интеллект, новые производственные технологии. Каждая технология должна быть рассмотрена с позиции особенностей реализации в публично-правовой и частноправовой сфере общественных отношений.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что тенденции цифровизации всех сфер обществен-

⁴⁰ См.: Даниленков А. В. Принципы интернет-права // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2 (7). С. 146–150.

⁴¹ См.: Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2020. С. 19–22.

ной жизни создают объективные предпосылки для отраслевого обособления цифрового права. Потенциал, заложенный в цифровых технологиях, способен не только существенно трансформировать имеющиеся, но и создать принципиально новые отношения, что не позволяет согласиться с утверждением о том, что их применение обуславливает лишь новую форму их существования.

В целом возможность рассмотрения цифрового права в качестве комплексной отрасли права прежде всего связывается:

1) со спецификой составляющих его предмет отношений, возникновение и существование

которых невозможно без применения тех или иных цифровых технологий;

2) с особенностями метода их регулирования, характеризующегося сочетанием императивного и диспозитивного регулирования, законодательной регламентации при сохранении значительной роли саморегулирования и необходимости учета специфики национальной юрисдикции в интернет-пространстве;

3) с формированием особой, обусловленной спецификой киберпространства системы принципов построения соответствующих отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алтухов А. В., Ершова И. В., Кашкин С. Ю. Платформенное право как драйвер развития инноваций // Предпринимательское право. 2020. № 4. С. 17–24.
- Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М. : Норма, 2023. 280 с.
- Банакас С., Петров Д. А., Попондопуло В. Ф., Силина Е. В. Цифровые отношения как предмет правового исследования // Вестник СПбГУ. Право. 2023. Т. 14. Вып. 2. С. 492–509.
- Белых В. С., Болобонова М. О. Понятие, значение и тенденции развития цифрового права // Юрист. 2020. № 1. С. 5–14. DOI: 10.18572/1812-3929-2020-1-5-14.
- Вайпан В. А. Цифровое право: истоки, понятие и место в правовой системе // Право и экономика. 2024. № 1. С. 5–27.
- Головина А. А. Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 34 с.
- Городов О. А. Цифровое право как подотрасль информационного права // Право и цифровая экономика. 2021. № 1. С. 36–43. DOI: 10.17803/2618-8198.2021.11.1.036-043.
- Даниленков А. В. Интернет-право. М. : Юстицинформ, 2014. 142 с.
- Даниленков А. В. Принципы интернет-права // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2 (7). С. 144–154.
- Ефимова Л. Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // Цивилист. 2022. № 4. С. 6–15.
- Зыкова О. А. Природа цифрового права и его соотношение со смежными правовыми категориями // Цивилист. 2023. № 1. С. 12–21.
- Карцхия А. А. Цифровые права и правоприменение // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2 (31). С. 43–46.
- Минбалеев А. В. Трансформация регулирования цифровых отношений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12. С. 31–36. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.64.12.031-036.
- Минбалеев А. В. Цифровое право как комплексный институт российского права // Проблемы права. 2019. № 4 (73). С. 58–64.
- Национальная юрисдикция : Курс на конкурентоспособность правовой системы России : доклад / под общ. ред. И. Н. Барцица, А. С. Ерёменко. М. : Дело, 2019.
- Нестеров А. В. Цифровое право против информационного кодекса // Юрист. 2021. № 11. С. 8–12.
- Нигматзянова Д. А. NFT как основа экономики метавселенных // Право и бизнес. 2022. № 4. С. 26–31.
- Пашенко И. Ю. Цифровые правоотношения как новое явление для системы правового регулирования // Труды по интеллектуальной собственности. 2022. Т. 43. С. 21–25.
- Рожкова М. А. Является ли цифровое право отраслью права и ожидать ли появления цифрового кодекса? // Хозяйственное право. 2020. № 4. С. 3–12.
- Система советского права и перспективы ее развития // Советское государство и право. 1982. № 7. С. 103–105.

Система советского права и перспективы ее развития // Советское государство и право. 1982. № 8. С. 49–70.

Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 7–29.

Талапина Э. В. Сравнительное цифровое право: становление и перспективы // Журнал российского права. 2021. № 9. С. 18–32.

Танимов О. В., Шевченко А. Р. Цифровое право: основные сущностные аспекты // Российская юстиция. 2019. № 10. С. 6–9.

Терентьева Л. В. Концепция устойчивого развития в киберпространстве: вопросы управления и суверенитета // Право и цифровая экономика. 2023. № 4. С. 21–32.

Тонков Е. Е., Синенко В. С. Комплексные отрасли права: плодотворная идея или отказ от формальной определенности в правовой науке? // Вестник ВГУ. Серия «Право». 2016. № 2. С. 74.

Фомина О. Н. От вещных прав к правам на нематериальные и цифровые объекты // Гражданское право. 2023. № 2. С. 42–45.

Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2020. 640 с.

Easterbrook F. H. Cyberspace and the Law of the Horse // The University of Chicago Legal Forum. 1996. [207]. P. 207–216.

Lessig L. The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach // Harvard Law Review. 1999. No. 113 (2). P. 501–549.

Lobel O. The Law of the Platform // University of Minnesota Law School. 2016. [101:87]. P. 87–153.

REFERENCES

Altukhov AV, Ershova IV, Kashkin SYu. Platform law as a driver of innovation development. *Predprinimatelskoe pravo [Business law]*. 2020;4:17-24. (In Russ.).

Amelin RV, Channov SE. The evolution of law under the influence of digital technologies. Moscow: Norma Publ.; 2023. (In Russ.).

Banakas S, Petrov DA, Popondopulo VF, Silina EV. Digital relations as a subject of legal research. *Vestnik SPbGU. Pravo*. 2023;14(2):492-509. (In Russ.).

Bartsits IN, Binda O, Danilenko E, et al. National jurisdiction: A course for the competitiveness of the Russian legal system. Moscow; 2019. (In Russ.).

Belykh VS, Bolobonova MO. The concept, meaning and trends in the development of digital law. *Yurist [Jurist]*. 2020;1:5-14. (In Russ.). DOI: 10.18572/1812-3929-2020-1-5-14.

Blazheev VV, Egorova MA, editors. Digital law: A textbook. Moscow: Prospekt Publ.; 2020. (In Russ.).

Danilenkov AV. Internet law. Moscow: Yusticinform Publ.; 2014. (In Russ.).

Danilenkov AV. Principles of Internet Law. *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy*. 2016;2(7):144-154. (In Russ.).

Easterbrook FH. Cyberspace and the Law of the Horse. The university of Chicago legal forum. 1996. [207] pp. 207–216.

Efimova LG. On the legal nature of non-cash money, digital currency and the digital ruble. *Tsivilist*. 2022;4:6-15. (In Russ.).

Fomina ON. From property rights to rights to intangible and digital objects. *Grazhdanskoe pravo*. 2023;2:42-45. (In Russ.).

Golovina AA. Criteria for the formation of independent branches in the system of Russian law. The author's abstract of Cand. Diss. (Law). Moscow; 2012. (In Russ.).

Gorodov OA. Digital law as a sub-branch of information law. *Pravo i tsifrovaya ekonomika*. 2021;1:36-43. (In Russ.). DOI: 10.17803/2618-8198.2021.11.1.036-043

Kartskhiya AA. Digital rights and law enforcement. *Monitoring pravoprimeneniya*. 2019;2(31):43-46. (In Russ.).

Lessig L. The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach. *Harvard Law Review*. 1999;113(2):501-549.

Lobel O. The Law of the Platform. *University of Minnesota Law School*. 2016;101(87):87-153.

Minbaleev AV. Digital law as a complex institute of Russian law. *Problemy prava*. 2019;4(73):58-64. (In Russ.).

Minbaleev AV. Transformation of regulation of digital relations. *Vestnik Universiteta im. O.E. Kutafina*. 2019;12:31-36. (In Russ.). DOI: 10.17803/2311-5998.2019.64.12.031-036

- Nesterov AV. Digital law against the Information Code. *Yurist [Jurist]*. 2021;11:8-12. (In Russ.).
- Nigmatzyanova DA. NFT as the basis of the economy of the metaverses. *Pravo i biznes*. 2022;4:26-31. (In Russ.).
- Pashchenko IYu. Digital legal relations as a new phenomenon for the system of legal regulation. *Trudy po intellektual'noy sobstvennosti*. 2022;43:21-25. (In Russ.).
- Rozhkova MA. Is digital law a branch of law and should we expect the emergence of a digital code? *Khozyaystvennoe pravo*. 2020;4:3-12. (In Russ.).
- Sukanov EA. On the civil nature of «digital property». *Vestnik grazhdanskogo prava [Civil Law Review]*. 2021;6:7-29. (In Russ.).
- Talapina EV. Comparative Digital Law: Formation and prospects. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2021;9:18-32. (In Russ.).
- Tanimov OV, Shevchenko AR. Digital law: Basic essential aspects. *Rossiyskaya yustitsiya [Russian Justitia]*. 2019;10:6-9. (In Russ.).
- Terentyeva LV. The concept of sustainable development in cyberspace: Issues of governance and sovereignty. *Pravo i tsifrovaya ekonomika*. 2023;4:21-32. (In Russ.).
- The system of Soviet law and prospects for its development. *Sov. gos-vo i pravo*. 1982;7:103-105. (In Russ.).
- The system of Soviet law and prospects for its development. *Sov. gos-vo i pravo*. 1982;8:49-70. (In Russ.).
- Tonkov EE, Sinenko VC. Complex branches of law: A fruitful idea or a rejection of formal certainty in legal science? *Vestnik VGU. Seriya: Pravo [Proceedings of Voronezh State University. Law Series]*. 2016;2:74. (In Russ.).
- Vaypan VA. Digital law: Origins, concept and place in the legal system. *Pravo i ekonomika*. 2024;1:5-27. (In Russ.).
- Zykova OA. The nature of digital law and its relation to related legal categories. *Tsivilist*. 2023;1:12-21. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зайцев Олег Владимирович, доктор юридических наук, профессор, декан Высшей школы правоведения ИГСУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

д. 82, Вернадского пр., г. Москва 119571, Российская Федерация
zaytsev-ov@ranepa.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg V. Zaitsev, Dr. Sci. (Law), Professor, Dean of the Higher School of Jurisprudence, IGSR of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
zaytsev-ov@ranepa.ru

Материал поступил в редакцию 22 мая 2024 г.

Статья получена после рецензирования 13 августа 2024 г.

Принята к печати 15 августа 2024 г.

Received 22.05.2024.

Revised 13.08.2024.

Accepted 15.08.2024.